

Владимир Михайлович Шулятиков

Восстановление разрушенной эстетики

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663955*

Аннотация

«Существует старинный историко-критический прием, согласно которому смена литературных школ представляется в следующем виде: в определенный момент господствующая школа оказывается завершившей круг своего развития; она высказала все, что могла высказать, создала ряд художественных образов, типов и концепций, какие только могла создать; ей ничего более не остается, как повторять уже пройденное, как предлагать читающей публике плоды шаблонного творчества; публика начинает ею тяготиться; ...»

Содержание

I	8
II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Шулятиков

Восстановление разрушенной эстетики (К критике идеалистических веяний в новейшей русской литературе)

Существует старинный историко-критический прием, согласно которому смена литературных школ представляется в следующем виде: в определенный момент господствующая школа оказывается завершившей круг своего развития; она высказала все, что могла высказать, создала ряд художественных образов, типов и концепций, какие только могла создать; ей ничего более не остается, как повторять уже пройденное, как предлагать читающей публике плоды шаблонного творчества; публика начинает ею тяготиться; наступает литературный кризис; зарождается новое литературное течение, опирающееся на диаметрально-противоположные предпосылки.

Так, переход от романтизма к реализму, имевший место в середине XIX столетия, объясняется старческим вырождением первого. Романтизм сделал свое дело, освободил искусство от уз классической догматики, открыл новые эстетические горизонты, дал известное количество шедевров, и затем его творческие силы иссякли, интеллигентное общество утомилось его фантазмагориями и почувствовало потребность в ином искусстве – искусстве «действительной» жизни... Или, знаете, почему на смену классической комедии явилась «мещанская драма» (*Gomedie larmoyante*)? Потому что обществу надоело смеяться и захотелось слез!¹

Просто и удобно. Такая «стихийная» точка зрения не требует от критиков проникновения вглубь исторических движений и в то же время дает возможность замаскировать, при случае, истинный смысл и ценность той или другой идеологии.

Истинная ценность каждого литературного течения выясняется, прежде всего, социально-генетическим анализом. Социально-генетический анализ – вот тот единственный светоч, который, будучи направлен на темные углы царства художественных идеологий, позволяет разглядеть за эстетическими и идеалистическими туманами контуры реальных предметов, за сложной, иногда капризной игрой художественных образов и идей – столкновения «материальных» стремлений и интересов.

Понять литературное течение – значит, установить его зависимость от определенной общественной группы. Оценить его – значит произвести его учет на основании того удельного веса, который данная группа имеет в общей экономико-социальной жизни. Степень прогрессивности данной группы служит показателем объективного значения литературной школы, этой группой созданной, и при рассмотрении вопроса о смене школ может явиться единственным надежным свидетельством перед судом критики.

Но такой путь критического исследования литературы далеко еще не является общепринятым. Его избегают и отвергают естественным образом представители тех литературных течений, для которых он неудобен, – принципиальную слабость и не прогрессивность которых он мог бы обнаружить. Такое отрицание единственно научного метода критики лишь редко бывает сознательным, основанным на служении определенным интересам; чаще оно опирается на недостаток сознательности – на полную недоступность новых форм мышления людям, закостеневшим в старых. Но и в том и в другом случае на сцену выступают одни и те же традиционные приемы литературно-критического объяснения: это – апелляция

---

¹ Такое объяснение предложено благодушным историком французской литературы, известным Лансоном.

к «абсолютному», к стихийному или ссылаясь на произвольную игру чувств и аффектов читающей публики.

Именно так поступают теоретики новейшего литературного перелома – смены реалистического искусства романтическим и «идеалистическим», смены идейного «гражданского» искусства «свободным», «аморальным», «аполитическим». Новейшие литературные веяния завербовали себе целую армию апологетов различных оттенков. Есть в этой армии и прямолинейные энтузиасты-новобранцы, Sturm und DrDnger'ы «новых истин», есть и умеренные натуры, проповедующие компромисс, есть, наконец, ветераны, поседевшие, в литературных боях, заявляющие о своих симпатиях новым веяниям робко, издавляя. Но все они, в своей апологии литературного поворота, пользуются одними и теми же основными тезисами.

Вот два случая из их практики.

Ницшеанствующий г. Неведомский 5 ратует за «свободное» искусство²: господствовавшую до настоящего времени литературную школу он, призывая авторитет главы французской импрессионистической критики 6, определяет как школу проповеднического, «жреческого», тенденциозного искусства.

Жюль Леметр говорит в своей статье «Literatures du Nord»: русская художественная литература всегда поражала его одной особенностью: при чтении ему всегда слышался рядом с голосом художника еще голое проповедующего священника. Замечание очень меткое и заслуживающее серьезного внимания. Европейское ухо, верно, уловило отличительную черту нашего художественного творчества.

И г. Неведомский ставит вопрос 7: «не начинает ли эта нота утомлять ухо современного читателя»? на что спешит ответить в положительном смысле. По его мнению, современная русская интеллигенция чувствует «усталость от идейного искусства»; искусство это дает ныне лишь стереотипные, «наперед известные поучения и мысли», то есть выродилось в шаблонное творчество. Успех произведению нового стиля определяется именно подобного рода «усталостью».

И г. Неведомский пытается узаконить обращение «усталой» интеллигенции к новому литературному «сгедо»: он указывает на факт роста общественной жизни и делает вывод, что русские интеллигенты уже могут позволить себе отдых от гражданских мотивов в искусстве; могут уже наслаждаться искусством, отвечающим индивидуальным потребностям...

Другой пример. Считавшийся сторонником «реалистического» искусства г. Скабичевский 8 около двух лет тому назад выступил с похвальным словом новым литературным веяниям. Правда, это была далеко не решительная похвала, похвала с большими оговорками, но она очень характерна как «признак времени»³.

Современный литературный кризис, в его глазах, исчерпывается крушением «натурализма». Натурализм, в свое время спасший искусство от одностороннего увлечения «чудесными», мистическими элементами, не избежал сам односторонностей. Провозгласивши требование изображать только типическое, только обыденное, «действительной» жизни, он тем самым изгнал со столбцов художественной литературы все субъективное и поэтическое. Ограниченные в своем кругозоре созерцанием «дрязг повседневной жизни» беллетристы начали писать по трафареткам и обратились в холодных протоколистов.

«Изъятие из области творчества, с одной стороны, всего конкретного, случайного, с другой – поэтического, наконец, требование, чтобы беллетристы были непременно зашнурованы в корсет холодного, объективного протоколизма, – все это легло на искусство гнетом

---

² См. его статьи «О современном искусстве» («Мир божий», 1903 г. апрель).

³ Статья «Новые течения в современной литературе» («Русская Мысль», 1901 г. ноябрь).

узкого одностороннего и нетерпимого деспотизма нисколько не в меньшей мере, если ни в большей степени, чем все предыдущие школы».

Интеллигентное общество ничего не стало выносить от натуралистических произведений, кроме «скуки». И против «скучного» объективного протоколизма возникла реакция, на знамени которой написано «поэтическое» и «субъективное».

Мы не будем здесь распространяться о том, насколько верную оценку господствовавшей литературной школы сделали г. Скабичевский и г. Неведомский, и насколько правы были: г. Неведомский, покрывая понятие идейной, гражданской литературы термином тенденциозного искусства, а г. Скабичевский, отождествляя реализм с «протокольным» натурализмом. Нам важно в данном случае лишь усвоенные ими объяснения процесса смены литературных веяний. И в деле этого объяснения представители двух различных поколений интеллигенции и двух различных интеллигентных мирозерцаний подали друг другу руки. Имманентное развитие литературных явлений, старческая дряхлость господствовавшей школы и «усталость» интеллигенции от нее – таковы их общие аргументы. От анализа реально-групповой и классовой подпочвы литературной смены оба критика держатся в своих статьях на почтительном расстоянии.

Иначе им нельзя. Г. Неведомский – проповедник автономии «цельно и всесторонне развивающейся человеческой личности», поторопился даже изобразить картину текущей общественной жизни далеко не в надлежащих красках, повинувшись желанию поскорее узаконить «индивидуальные» переживания». Прежде чем выступить с похвальным словом новым веянием, г. Скабичевский заявил себя также сторонником «индивидуальных переживаний»: он осудил интеллигенцию за то, что она чуждается «радостей» жизни, приносит на алтарь общего блага личное счастье, делает из служения «идеи» исключительную задачу своего существования⁴.

Снисходить до анализа реальной подпочвы для индивидуалистически настроенных критиков означало бы заниматься самокритикой и самообвинением. Как и откуда «пошла, есть и стала быть» апология чистого индивидуализма, лежащая в основе новоромантической литературы и «нового», «свободного» искусства? Да, это вопрос очень неприятный, очень тяжелый для защитников новых веяний в литературе. Лучше и легче для них отделяться от этого вопроса общими фразами и отвлеченными фразами и отвлеченными формулами.

Лучше и легче, например, довольствоваться следующего рода изложением⁵ истории новых элементов русской литературы: был Тургенев, еще в шестидесятых годах разорвавший с «постылым прошлым», начав писать «полуреалистические, полусимволические» произведения; был Гаршин, внесший в литературу струю психологически-индивидуального направления; был Надсон, узаконивший «поэзию настроений»; существует Владимир Короленко, очаровавший в восьмидесятых годах читателей «поэтической экстраординарностью своих образов»; существует Антон Чехов, крайне субъективный художник; существует Максим Горький, яркий романтик; существуют декаденты, играющие «почтенную роль тех первых протестантов и пионеров, которые, движимые одним лишь слепым, чисто стихийным побуждением... бросаются отважно в открытое море на утлых челнах и гибнут»... усилиями названных художников слова и производилась закладка здания «нового искусства».

Летописным записям далеко до научной истории. Но над уровнем летописного повествования критики, чувствующие склонность к «индивидуализму», подняться не в силах; избегая рассматривать литературные явления как продукты разных форм классового сознания, эти критики обречены, исповедовать культ героев искусства... А между тем, даже ограничиваясь изучением литературной деятельности перечисленных г. Скабичевским писате-

---

⁴ «Аскетические недуги в нашей современной передовой интеллигенции» («Русская Мысль», 1900 г., октябрь – ноябрь).

⁵ Изложение принадлежит перу г. Скабичевского.

лей, если только отрешиться от точки зрения индивидуалистической психологии, можно было бы достаточно точно уяснить себе источники зарождающихся «веяний» и приобрести надежный критерий для оценки последних.

Но, повторяем, сделать уклонения в сторону реалистического анализа критики апологеты новых веяний не могут из чувства самосохранения. Им пришлось бы в данном случае убедиться, что защищаемые ими «новые» взгляды на литературу отнюдь нельзя назвать передовыми, что боевой лозунг «свобода творчества», «субъективное в искусстве» рожден интересами обанкротившихся, капитулировавших перед требованиями действительности и частью реакционных общественных групп.

I

Охарактеризуем ближе метод реалистической критики.

Изучение социального строения интеллигентных ячеек, в недрах которых развивается то или другое литературное «веяние», изучение их роста, столкновение между собою и с другими общественными телами, изучение их побед и поражений – вот с чего должен начать историк литературы. Затем, основываясь на добытых подобного рода изучением данных, критик должен приступать к анализу литературных веяний – как идеологических приспособлений, выработанных теми или другими интеллигентными группами⁶.

Зарождение, рост, смена, крушение литературных течений свидетельствуют о соответствующих переменах строений и соотношений интеллигентных ячеек.

Положим, господствует литературная школа, точно и определенно выразившая свое художественное *profession de foi*: это значит, что существует интеллигентная группа определенного однородного социального состава. В господствующей школе происходит брожение: это значит, что состав группы обновляется элементами нового социального происхождения. Зарождается новое литературное течение: это значит, что новые элементы имеются уже в достаточном количестве и успели достаточно организовать, достаточно прониклись своим «групповым» сознанием. Ново зародившаяся школа, вступает в состязание с господствовавшим до сих пор направлением литературы: новые элементы выделяются в самостоятельный общественный агломерат. Происходит литературная «смена»: старые элементы теряют преобладающее значение, сходят со сцены, растворяются в новообразовавшемся агломерате или приспособляются к другим интеллигентным ячейкам.

При такой постановке вопроса понятие процесса литературной эволюции теряет «стихийный» и анекдотический летописный характер, какой ему приписывается критиками старой школы и современными критиками-индивидуалистами: через изучение социальной подпочвы, определяющейся, с своей стороны, состоянием производственных отношений, и, в конечном счете, развитием производительных сил, процесс этот представляется органическим звеном общеисторического движения.

Иллюстрируем наш тезис обзором смен направлений в русской литературе XIX столетия.

Это столетие начало с отрицания заветов реалистической культуры «просветительной» эпохи. На его рубеже закатывалась звезда «вольтерьянства», угасала горячая вера во всемогущество разума, развенчивались идеалы материализма и деизма, «просветительная» литература подверглась осмеянию: она начинала казаться «мелкой и бесстыдной, как и сами люди XVIII века».

Наступили «сумерки кумиров», и наступили потому, что создалось новое искусство, народилась новая интеллигенция, совершенно иного социального состава, чем та, которая фигурировала на исторической авансцене в конце XVIII столетия.

Интеллигенция, вызванная к жизни экономическими и общественными передвижениями «просветительной» эпохи, представляла из себя довольно пеструю толпу. В этой толпе сын крестьянина стоял рядом; с сыном мелкого дворянина, сын священника рядом с сыном какого-нибудь лекаря – саксонца, сын чиновника – рядом с сыном мещанина или приказчика. Но вся эта толпа объединена общими интересами, имеет общих друзей и врагов, выполняет

---

⁶ Говоря об интеллигентных группах и ячейках, мы, конечно, имеем в виду интеллигентные кадры, выделяемые различными так называемыми «народными» слоями, то есть, например.; средним или мелким крестьянством, городским пролетариатом, мелким бюргерством. Нарастание интеллигентных групп среди этих слоев – неперемнное условие создания литературы соответствующей идеологии.

общую работу. Ею руководит разночинец – труженик на поприще официальных общественных преобразований. Он количественно преобладает, он сообщает всей толпе умеренно рационалистическое и умеренно оптимистическое мирозерцание.

Прошедший трудную жизненную школу, всем в жизни обязанный исключительно своим умственным дарованиям и трудовой энергии, он выше всего на свете ценит ум и активность, невежество его злейший враг; оно символ гибели, символ отживающей старины. Он свято верует в науку – она должна принести ему победу. Протестующий против привилегий «родовитых» общественных групп, он усваивает теорию «естественного» права. В даль будущего он смотрит бодро. Она рисуется ему идиллией развитой городской цивилизации и мирного, постепенного экономического, общественного, политического прогресса.

Он сторонник рационализма в искусстве, рационализма «делового», утилитарного, поучающего, таков ложный классицизм на русской территории.

В начале XIX века интеллигент-разночинец перестает на время играть первенствующую роль, стушевывается на время в толпе интеллигентов-дворян. Если он изредка заявляет о своем существовании, то должен делать это робко, подделываясь под общий тон и вкусы доминирующей интеллигенции; в противном случае даже и либеральные писатели упоминаемой эпохи окрестят его презрительной кличкой «семинариста» или «торгаша»⁷.

Мы не будем вскрывать здесь тех причин, которые создали новую интеллигенцию: вскрытие этих причин заставило бы нас делать пространную характеристику развития крепостнических отношений в конце XVIII и в начале XIX века. Во всяком случае, появление кадров новой интеллигенции есть исторический факт. Земледельческий класс принужден был расстаться с традициями архаической культуры. Новые устои жизни потребовали от него, чтобы он лучше вооружился в борьбе за существование. Перед землевладельцами встал неотвязный вопрос о повышенном уровне образованности. Правительственный указ (1803 года) гласил: «ни в какой губернии никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище».

Дворянство оставило систему примитивного домашнего воспитания. Питомцы деревни устремились в город. Частные пансионы, гимназии, университеты начали образовывать поколения новой интеллигенции.

Из провинциальной глуши пришельцы принесли с собою запас своеобразных впечатлений, настроений, верований⁸. Проводя первые годы детства и отрочества в деревне, они приучились любить природу; окруженные штатом нянек и дядек, этих патриархальных воспитателей, они проникались пристрастием к «простоте патриархальных отношений»: нянюшкины сказки поселяли в них склонность уноситься воображением в мир фантазии; патриархальная среда развивала в них также религиозное чувство. Бессистемность первоначального воспитания, шумная и беспорядочная жизнь помещичьей усадьбы награждала их беспокойной, не способной к упорному, требующему продолжительного внимания труду, мечущейся из стороны в сторону натурой.

Режим городской цивилизации не в состоянии перевоспитать их натуру, дисциплинировать их чувства, внушить им безграничное уважение ко «всемогущему» разуму, направить их на путь упорного труда и активной энергии. Городская обстановка не внушает им: доверия. Они не чувствуют себя «господами истории».

Они попали в общество, которое живет и развивается по каким-то непонятным для них «железным» законам. В тех аристократических и бюрократических салонах, которыми огра-

---

⁷ Случай с Надеждиным и Н. Полевым.

⁸ См. книгу П. Мизинова: «История и поэзия. Историко-литературные этюды», стр. 333–389, где дается характеристика дворянина-студента начала XIX века.

ничивается их ближайший кругозор, они не видят ни малейшего отрадного явления. Их чувствительное сердце оскорбляется холодной и бездушной толпой, наполняющей эти салоны. Исполненные «бескорыстных душевных порывов», томимые жадной «вечной» любви, «вечной» дружбы, они встречают лишь «измену», «предательство», «клевету ядовитую», «холодный расчет». А за пределами салонов еще хуже: там они замечают лишь фигуры дельцов капиталистов, там царство плоского материализма и утилитаризма; там процветает «мануфактурная» религия, «мануфактурная» нравственность, «мануфактурная» философия. Там душа человека превращена в «паровую машину», и в этой машине видны лишь «винты и колеса», но жизни не видно.

И близь, и даль их наблюдений над обществом, таким образом, не предрасполагают их к оптимизму. Из обрывков действительности, перед лицом которых они, эти тепличные растения, стоят, представления о прогрессе им получить нельзя. Они теряют веру в «человечество». Они проникаются боязнью перед «цивилизацией». Они бегут от «толпы» и в самом бегстве-то думают найти утешение на лоне природы и вместе с пушкинским Алеко отправляются кочевать по привольному простору южных степей; то вместе с Лермонтовым вознаграждают себя созерцанием панорам «страны чудес», «золотого Востока», то вместе с Жуковским уносятся в таинственный мир кладбищенских привидений, то вместе с Марлинским мечтают найти забвение в разгуле титанических страстей, то вместе с Подолинским тоскуют по царству божественных «пери», то вместе с Чаадаевым упиваются поэзией католицизма, то вместе с Вл. Одоевским утешаются игрой метафизических настроений, то с Веневитиновым грезят о мире лучезарной, нетленной красоты. Одним словом, они стараются замкнуться в родном для них мире чувства и фантастики; умом, «холодным рассудком», не приносящим для них ничего, кроме разочарования, они жить не хотят и не могут.

В «романтическом»⁹ искусстве, с его культом «запредельного», экскурсиями в область «экзотических» стран и лирикой субъективных переживаний находит себе литературное выражение их аристократический индивидуализм¹⁰.

Романтическая эпопея продолжалась недолго. В «николаевскую» эпоху интеллигенция мало-помалу начинает менять свою физиономию: разночинец снова начинает завоевывать потерянное им значение: за него стоит экономическая эволюция, направляющаяся на путь капитализма, медленно, но верно расшатывающая устои крепостнического хозяйства и патриархальных отношений.

По мере того как разночинец одерживает победу, бегство из мира действительности в мир фантазии и культ чувства постепенно отходят в область преданий. Интеллигент приближается к «толпе», производит новую оценку действительности. Правда, романтизм еще не окончательно складывает оружие перед реалистическим мирозерцанием; правда, он снова делает попытку расцвести в сороковые годы: но это его осенние цветы. Если романтики сороковых годов и заявляют, что «прекрасное в жизни не от мира сего», то все же они не относятся к этому миру с титаническим презрением: напротив, любят его, болеют его страданиями. Если они и увлекаются идеалистической философией, то предметом их увлечения является не шеллингианский «романтизм», а гегелианский «рационализм»¹¹.

⁹ Курсив автора. – В. Шулятиков

¹⁰ Так называемое сантиментальное направление на русской почве также служило интересам дворянской идеологии; это направление промежуточного периода, то есть периода, когда дворянская интеллигенция не вступала еще en masse на историческую авансцену а происходило предварительное брожение элементов в составе интеллигентного «общества» конца «просветительного» века.

¹¹ Романтики старого покроя ценили Шеллинга именно за апологию «непосредственного чувства», и когда им пришлось ознакомиться с системой Гегеля, они отрицательно отнеслись к последнему, найдя его крайним *рационалистом* (ср. «Русские ночи» Вл. Одоевского).

Они наполовину порвали со стариной. Окончательный разрыв с романтизмом у интеллигенции произошел на закате сороковых годов. Тогда романтизм предается осуждению – как болезненный продукт крепостнического строя. Тогда получает права гражданства теория естественного развития. Тогда осмеиваются идеалистическая отрешенность от действительности, скорбь «одиноких душ», аристократический индивидуализм романтиков. Тогда «обыкновенный» человек признается достойным героем литературы. Тогда интеллигенция старается находить пути к положительному решению общественных вопросов. Она вдохновляется демократическими симпатиями. Она верит в свои творческие способности и ищет себе помощников. Как раз туда, где романтики видели только царства утилитаризма и материализма, интеллигенты конца сороковых годов смотрят исполненные больших надежд.

Утилитаризм им не страшен. В лице «мануфактуристов» они видят лишь воплощение энергии и «разумного эгоизма», который они сами исповедуют. Они приветствуют нарождающуюся буржуазию как класс, непохожий на класс крепостников и обещающий светлую, богатую поступательными шагами будущность. На заре новых общественных отношений они считают буржуазию союзником.

Но, разрывая с заветами «феодального» мирозерцания, реализм в сороковые (и пятидесятые) годы не произнес своего решительного слова. Состав интеллигентной ячейки продолжает еще включать в себя значительное число не разночинских элементов. Проповедниками «разночинской идеологии» выступают, в многих случаях, интеллигенты «феодального» происхождения. И в своей массе передовая интеллигенция сороковых и пятидесятых годов не проникнута духом, безусловно, риторического отрицания старых культурных веяний. В глубине своей психологии она сохранила кое-какие отголоски симпатии прошлого: например, от пристрастия к эстетизму она не может отделаться¹². Далее, резкой розни между передовым реализмом и реалистически настроенными представителями оппортунистических общественных групп не проявлялось. В продолжение некоторого времени будущие враги уживаются под общим; знаменем «натуральной»¹³ школы.

Это эпоха реализма «классиков» русской художественной литературы.

Наступили шестидесятые годы. Ряды интеллигенции пополнились в такой степени, как никогда прежде, лицами, вышедшими из непривилегированных классов. И разночинская «идеология» никогда раньше не отливалась в такие определенные, яркие формы.

Мыслящий пролетарий-разночинец первый раз в русской истории почувствовал себя совершенно полноправным членом общества. Теперь он был диктатором интеллигенции.

Он провозгласил теорию «критически мыслящей личности», вершащей судьбы истории. В этой теории нашли себе санкцию те условия, которые доставили группе разночинцев победу в борьбе за существование: настойчивость и энергия, «постоянное бодрствование» ума, необходимость проверять каждый свой шаг, зорко присматриваться к лагерям друзей и противников, необходимость воспитывать постоянно свой душевный мир, освобождая его от всех переживаний, могущих являться лишним балластом, увлекать в сторону от строительства жизни и способствовать поражению группы и, следовательно, общественному регрессу. Разночинец делает свой мир недоступным для всех тех чувств и склонностей, которыми жили мало энергичные, пассивно покоряющиеся судьбе, не умеющие за себя постоять, легко поддающиеся гипнозу застоя питомцы дворянских гнезд. Он осуждает эти чувства и склонности – как противообщественное преступление. Он отвергает фантазию, чистую поэзию и эстетику; он не позволяет инстинктам и чувствам бесконтрольно властво-

---

¹² О чем свидетельствует пример даже наиболее типичного «разночинца» сороковых годов Белинского.

¹³ Так страницы «Современника» были открыты, например, для Гончарова или Никитина, с их проповедью умеренно-аккуратного реализма, и для Некрасова и Герцена.

вать над его поступками. Учение о «разумном эгоизме» (то есть учение об освобождении личности от излишка внутренних переживаний) получает свое высшее развитие.

Стоит только захотеть, стоит только отрешиться от старых «привычек»¹⁴ – и двери светлого будущего открыты, история пойдет по новому руслу, направляемая «мыслящей личностью». Создается система нового «индивидуализма». И разночинский индивидуализм на первых порах не признается противоречащим предпосылкам общественного мировоззрения, усвоенного шестидесятниками, точнее – представлению об историческом процессе как продукте массовых передвижений и об определяющем значении социальной среды, то есть общественному детерминизму.

Неразвитость общественно – экономических отношения оставляла невскрытым это противоречие. Благодаря данной неразвитости мыслящие «реалисты» не могли выработать классовых пониманий истории. Даже в своей критике «феодальной» психологии они, руководствуясь голосом группового антагонизма, в то же время прибегали к «общим» формулам. «Феодальная» психика объяснялась ими не как необходимое следствие известного классового развития, а как болезненное уклонение в сторону от типа общечеловеческой психики, которое легко можно вылечить. Мысль о возможности отказа от групповых интересов лежит в основе всех надежд их на будущее, их «утопизма».

Расцвет разночинного индивидуализма не был продолжителен. Хотя, до обнаружения его теоретической несостоятельности и было еще далеко, хотя даже в последующую «сумеречную» эпоху его предпосылки послужили материалом для создания целой научно-философской системы¹⁵, но вскоре уже подорвана была вера в его практическую жизнеспособность: критически мыслящая личность оказалась непризванной властно распоряжаться судьбами истории.

Тем временем на историческую сцену выступили новые элементы разночинной интеллигенции. Виднейшие теоретики решительной схватки с преданиями «феодальной» старины не принадлежали к низшим слоям разночинного общества. Теперь среда мелкого духовенства и мелкого мещанства выкинула из своих недр интеллигентов-пролетариев. Воспитывавшиеся в атмосфере непрерывных бессильных страданий и бессильного озлобления, с детства забитые и униженные, они не разделяли оптимизма первоучителей разночинской догмы. Победителями себя на жизненном пиру они не чувствовали, верой во все спасающее значение «цельной» личности не были проникнуты. Они, напротив, по выражению их самого искреннего идеолога¹⁶, бежали от своей личности и личности каждого отдельного человека, дабы «уйти от страданий».

И спасение от своих личных невзгод они находили в своих демократических симпатиях. Эти симпатии не носили платонического характера. Новые разночинцы-интеллигенты в своей массе стояли ближе, чем: все предыдущие, поколения разночинцев, к народной жизни, были связаны с нею более тесными узами чувства солидарности. В горе «человеческих масс» они стремились растворить собственное горе. Их скорбь вылилась в народнические теории.

В своем бегстве от страдания они создали «философию отчаяния». Присутствуя при зачатках распада устоев натурального хозяйства в деревне, не видя из-за хаоса падающих обломков, дали будущего, они, эти пасынки разночинской интеллигенции, считают единственным выходом из трагического положения починку и укрепление разрушающегося здания. Но такой выход означал лишь осложнение трагизма.

---

¹⁴ Курсив, как и везде, автора – В. Шулятикова. (Прим. ред.)

¹⁵ Системы Н. К. Михайловского.

¹⁶ Глеба Успенского.

Если мелкое хозяйство в борьбе с враждебными обстоятельствами держится лишь нечеловеческим напряжением производителя, то желать дальнейшего сохранения старых аграрных устоев – значило лишь приветствовать последние отчаянные усилия гладиатора – мелкого земледельца, гибнущего в безнадежной борьбе.

Народники-разночинцы были сами гладиаторами на жизненной арене, и проповедь их звучала перед лицом новой общественно-экономической эры как древний клич: «Ave, Caesar, morituri te salutant!».

Демонстративный даже по форме реализм публицистических романов «мыслящего пролетариата» и пессимистический натурализм народнических повестей, романов – вот наиболее характерные образцы искусства шестидесятых и семидесятых годов.

В конце семидесятых годов наряду с голосом «народника» громко начинает раздаваться голос иных интеллигентов... Мы подошли к источнику новейшего литературного «перелома», к первому акту «идеалистической» драмы.

II

Эта драма, как сообщает летопись нового литературного движения, имела свой пролог еще в первой половине шестидесятых годов. Действующим лицом пролога явился Тургенев, «сжегший то, чему поклонялся, и поклонившийся тому, что сжигал. И как пролог древних драм давал необходимые пояснения к долженствовавшему развиться перед зрителями действию, так и «отступничество» Тургенева дает многое для понимания новейшего хода литературного развития.

Сожжение прежних кумиров, совершенное им, есть акт, свидетельствующий о наличии общественного конфликта и реакции определенной части интеллигентного общества, «Сжигающий» Тургенев – это интеллигент-дворянин, повертывающий назад, к заветам «феодальной» старины. «Сжигаемое» – это усвоенные им в эпоху сороковых годов предпосылки разночинской идеологии.

Идя, в продолжение некоторого времени, рука об руку с интеллигентами-разночинцами, участь у них и в свою очередь, развивая отдельные стороны их мирозерцания, выступая выразителями их дум, надежд, стремлений, работая совместно с ними над критикой «романтической» культуры, дворяне-интеллигенты – люди сороковых годов в решительную минуту покинули авангард шествующей вперед интеллигенции. От решительной ломки старых культурных настроений они отказались: «старина» звала их назад, под одеянием прогрессиста в них заговорил человек «старого» психического склада. Когда они стояли перед еще не многочисленными сравнительно рядами разночинцев, разночинцев, уступавших им кое в чем, не посягавших еще на все наследия «отцов» и не доводивших своих выводов до конца, этот человек; дремал. Но он проснулся, как только люди сороковых годов очутились перед сплоченными массами разночинской интеллигенции. Перед этими массами они почувствовали себя чужими людьми, людьми иного мира, иной душевной организации. И они объявили о разрыве со своими прежними сотоварищами. Они, начиная с Герцена и Салтыкова-Щедрина и кончая Тургеневым и Анненковым, осудили «отрицательное» направление разночинцев.

Официальный разрыв Тургенева с «отрицателями» выразился в его ссоре с редакцией «Современника»¹⁷. Но материал для разрыва накоплялся еще значительно раньше. Тургенев негодовал на «черствость души» разночинцев, заявлял, что они не понимают поэзии. Он проповедовал о необходимости возвращения пушкинского элемента в противовес гоголевскому¹⁸; последний элемент особенно ценили шестидесятники. Одним словом, он вполне определенно противопоставлял себя «мыслящим реалистам», как носителям «старых» культурных начал. Впоследствии, когда «разрыв» стал совершившимся фактом, Тургенев прямо охарактеризовал классовое происхождение своих симпатий: «Н. П. (Николай Петрович Кирсанов) – это я, Огарев и тысяча других». А по его собственному признанию, создавая фигуру Николая Кирсанова, он имел в виду выяснить один из типов лучших сынов дворянской интеллигенции своего времени¹⁹. Именно с «кирсановской» точки зрения он протестовал против господствовавшего направления литературы, против разночинского реализма и натурализма.

---

¹⁷ Социологическое объяснение этого разрыва дано В. Богучарским в статье «Столкновение двух мирозерцаний» («Мир божий», 1901 г., ноябрь) Но, характеризуя реальную подпочву столкнувшихся мирозерцаний, г. В. Богучарский не отметил влияния разночинской «идеологии» на людей сороковых годов.

¹⁸ «Первое собрание писем И. С. Тургенева», стр. 20.

¹⁹ Ibid, стр. 105.,

«Способности нельзя отрицать во всех этих Решетниковых, Успенских и т. д., – пишет он Полонскому, – но где же вымысел, сила, воображение, выдумка где? Они ничего выдумать не могут – и, пожалуй, даже радуются тому: этак мы, полагают они, ближе к правде. Правда – воздух, без которого дышать нельзя; но художество – растение, иногда даже довольно причудливое, которое зреет и развивается в этом воздухе. А эти господа-бессемянники и посеять ничего не могут»²⁰.

К первой половине семидесятых годов относится следующее, сделанное им в одном: письме заявление:

«Теперь мода в литературе на политику: все, что не политика, – для нее вздор или даже нелепость: как-то неловко защищать свои вещи, но вообразите вы себе, что я никак не могу согласиться, что даже «Стук-стук» нелепость. Вы мне скажете, что моя студия мне не удалась... Быть может: но я хотел только указать вам на право и уместность разработки чисто психологических (не политических и не социальных) вопросов».

Тургенев провозглашает принцип «аполитического», «асоциального», то есть, выражаясь термином г. Неведомского, «свободного» художества.

И предпосылки этого художества определялись стародворянскими тенденциями его пророка. В противовес реализму «разрушителей» эстетики, он выдвигает апологию «вымысла, воображения, выдумки», то есть в столкновении с интеллигентами-разночинцами пользуется тем оборонительным оружием, которое некогда ввели в употребление интеллигенты-дворяне крепостнических времен. От действительности, где хозяйничают чуждые ему люди, от «правды» он бежит в область родной ему стихии. Пессимистически настроенный по отношению к реальному миру, он «выдумывает» иной мир. От тревог демократического века он находит успокоение в психологических построениях, в анализе индивидуалистических ощущений и настроений, в игре поэтического воображения.

Возрождается «идеализм» и «идеалистическое: искусство»²¹. Виновнику его возрождения оно не принесло желанного покоя. Разорвав с передовой интеллигенцией, создавая «полуреалистические» произведения, Тургенев чувствовал, что теряет под собою твердую почву. В письмах второго периода его литературной деятельности он часто выражает неуверенность в своем направлении. В минуты откровенности он даже называет такие произведения, как «Стук-стук», «Несчастливая», – «уродцами». Ему приходится переживать «душевную драму»: разночинские, демократические симпатии уступают, в его психическом мире, диктатуру стародворянским, индивидуалистическим тенденциям не без борьбы²². Правда, эта драма не была особенно тяжелая, не ознаменовалась никакими особенно глубокими вспышками отчаяния: но все же это была драма, осложнявшая пессимизм Тургенева, делавшая малонадежной ту позицию, в которую он замыкался, спасаясь от «громодно несущейся жизни». Некоторые из «Стихотворений в прозе», например, дают достаточно ясное представление об этой драме.

Тургеневский «идеализм», как исповедь писателя, плывшего «против течения», долго оставался своего рода единичным явлением, не находя себе отклика в рядах «молодых поколений интеллигенции». Пролог был отделен от той общей драмы, частью которой он являлся, длинным рядом годов. «Старые» элементы, выделившиеся из состава передовой интеллигентной ячейки, заполненной разночинскими элементами, и не примыкавшие к явно консервативным группам, не в силах были составить самостоятельный агломерат, который

---

²⁰ Ibid, стр., 129 (курсив наш).

²¹ Подчеркиваем, что под «идеализмом» мы разумеем не исключительный идеализм в философском смысле, то есть метафизический идеализм, а нечто более общее, – именно всякого рода бегство от «трагизма эмпирической безысходности» в разные «возвышающиеся над действительностью миры», предпочтение всякого рода «возвышающих обманов» бесстрашному опытному анализу, эмпирическим истинам.

²² Характерно, например, в данном случае его отношение к Базарову.

бы создал и иное литературное направление. Только с переменой состава интеллигенции, стоявшей на исторической авансцене, они получили возможность приспособиться к благодарной для них почве.

На закате своей литературной деятельности в толпе молодых художников слова Тургенев отметил одного, не похожего на других. Отмеченный им художник не принадлежал к «бессемьяникам». Он, по мнению Тургенева, подавал большие надежды как носитель традиции истинного искусства. Это был Всеволод Гаршин.

Личность Гаршина, действительно, говорила о наступлении новых времен в жизни и литературе. Автор «Attalea princeps», «Художников» и «Красного цветка» был знаменосцем новых кадров интеллигенции.

Это – кадры так называемых «восьмидесятников».

Восьмидесятые годы²³ характеризуются первым решительным проявлением энергичной деятельности тех «союзников», на которых возлагались большие надежды интеллигенцией сороковых и пятидесятих годов, – «союзников», которых еще в «реформационную» эпоху приветствовал теоретик «мыслящего пролетариата». «Союзники» сделали историю и первым своим дебютом в новой роли заявили о себе с самой невыгодной стороны. Интеллигенты восьмидесятых годов попали в мир «борьбы и наживы», на шумный «рынок», в царство «цифр и расчета». Они на первых порах не видят никакой целесообразности в развитии торгово-промышленного класса. Они видят перед собой лишь «буржуя» и «хищника». Капитализм признается ими «болезненным феноменом, не имеющим будущности». «Действительность» в их глазах получает значение хаотически-беспорядочного процесса. Слепые «страсти» и слепой «случай», кажется им, единственно начинают распоряжаться жизнью общества и отдельного человека.

Вместе с тем, вера в демократические идеалы, выработанная шестидесятниками и семидесятниками, перестает одушевлять интеллигенцию. «Народ», то есть крестьянство, пребывали во тьме «ночи»: попытки внести «свет» в тьму остались безуспешны. Приходил конец «народническим» веяниям. А та часть интеллигенции, которая теперь завладевала общественным мнением, которая теперь руководила судьбами искусства и литературы, унаследовала прогрессивные симпатии лишь как «священные» заветы прежних времен: она не купила этих симпатий ценой интенсивной борьбы с переживаниями «патриархального» и «феодального» строя; она не была связана «страдальческими» узами с «народной жизнью».

Но если интеллигенту-разночинцу восьмидесятых годов не приходилось воспитываться в атмосфере «бессильных страданий», если ему был работой предшественников расчищен путь к дальнейшим поступательным шагам, это не значит, чтобы он вплеп новые лавры в венок разночинской интеллигенции.

Напротив, ему пришлось занести на странице истории разночинской интеллигенции первую запись о крупном поражении. Он принужден был объявить себя банкротом.

На самом деле, то оружие, которым интеллигенты-разночинцы боролись некогда против «враждующей судьбы» – светлая вера в силу разума и идеал цельной критически мыслящей личности, – оказывалось в его руках бесполезным. Там, где царят слепые страсти и слепая случайность, разум бессилён. Еще «народники» сомневались в авторитете «критически мыслящей личности». Противостоять же дикому «хаосу» эмпирической действительности, опираясь на этот авторитет, уже совершенно невозможно. И разочарованному в своих силах, прощавшемуся с иллюзиями народнических увлечений, отказывавшемуся находить какой-

---

²³ Употребляя термин «восьмидесятые» годы, мы должны заметить следующее: подобно тому, как принятые литературной критикой понятия «сороковые» годы, «шестидесятые» годы вовсе не отвечают точным хронологическим датам («шестидесятые» годы – это эпоха 1855–1864 гг.), так и «восьмидесятые» годы означают литературный период, не ограниченный десятилетием 1880–1890; к «восьмидесятникам» относится известная часть интеллигенции конца семидесятых годов.

либо смысл и цель жизни «восьмидесятнику» оставалось лишь воскликнуть устами поэта, ярко выразившего его пессимистическое настроение:

Отверстой бездне зла, зияющей мне в очи,
Ни дна нет, ни границ – и на ее краю,
Окутан душной мглой невыносимой ночи,
Бессильный, как дитя, в раздумьи я стою.
Что значу я, пигмей, со всей моей любовью,
И разумом моим, и волей и душой
Пред льющейся века страдальческой кровью,
Пред вечным злом людским и вечною враждой?!

Попытка разночинной интеллигенции создать свою собственную «культуру», казалось, потерпела неудачу: Здание, воздвигавшееся трудами «мыслящих реалистов», казалось, рухнуло. Разночинная интеллигенция осталась без положительного мирозерцания.

И в эту критическую для нее минуту она прибегла к средству, еще более осложнявшему ее положение: отчаяние слепо и плохой советчик. Очутившись на распутьи, разночинская интеллигенция восьмидесятых годов сделала «культурное» заимствование у своих бывших противников.

Как раз к тому времени эволюция пореформенного хозяйства выкинула на рынок интеллигентного труда большие массы «дворянского пролетариата»²⁴. И эти массы обновили «предание старины глубокой», старины, которая считалась навсегда погребенной. Спасаясь от «хаоса» действительности, и не слыша авторитетного, открывающего радужные горизонты слова разночинной интеллигенции, они пошли по проторенной их прадедами дорожке – от мира «правды» обратились к миру «вымысла»... Их примеру последовали разночинцы.

Разрушенная «эстетика» отныне была восстановлена. Идеалистическое искусство, искусство индивидуальных переживаний и романтических порывов вновь получило широкие права гражданства. Правда, идеалистическое искусство потеряло свежесть былых красок; правда, смелости и размаха прежних романтических стремлений оно теперь не ведало; правда, его новые произведения не были отмечены печатью прежней силой творчества. Сохранение полного Status quo ante, торжества реалистического начала – было невозможно. Идеалистическое искусство должно было считаться со многими требованиями реализма. «Романтика» рационализировалась.

«Новое направление поняло, что реализм имеет громадное право на существование тем, что построено огромной частью своего здания на фундаменте действительных требований, на жизненности своих притязаний. Выражаясь наглядно, реализм есть кирпичный остов дома, совершенно еще не отделанного, без крыши, без окон, без дверей. Согласитесь, однако же, что в таком доме еще нельзя жить. Действительно, кирпичный остов есть глав-

---

²⁴ Появление на историческую сцену больших масс дворянской интеллигенции в данную эпоху – факт общеизвестный. Им пользуется А. Скабичевский для объяснения литературы «восьмидесятников». («История новейшей русской литературы», стр. 353). Объяснение, предлагаемое им, страдает неполнотой и чрезмерной упрощенностью; дворяне-интеллигенты внесли в литературу, по его мнению, струю «гамлетизма» и «сенсуализма»: этим его характеристика дворянской психологии ограничивается. Возрождение художественности не ставится в связь с последнею. С усвоенной им точки зрения, г. Скабичевский постоянно отвлекается в сторону «общих» рассуждений. При этом всего лишь произведения нескольких писателей восьмидесятых годов объяснены социологически. Остальные «восьмидесятники» являются в его изложении эпизодическими фигурами. Самое же главное – основной тезис объяснения неверен: т. Скабичевский не исходил из характеристики разночинской интеллигенции названной эпохи. Замечательно, что, отрицательно относясь в своей «Истор. нов. русск. лит.», к писателям восьмидесятых годов, г. Скабичевский становится на реалистическую почву. Но в последнее время, переменяя оценку, он покинул эту почву.

ная часть будущего здания, но без отделки, без окраски оно не может служить человеческим жилищем. Идеализм есть именно то нечто, что суровое основание здания превращает в приятное помещение для человека, так созданного, что одним необходимым никак не может довольствоваться»²⁵.

---

²⁵ С. Венгеров: «Русская литература в ее современных представителях», т. I, стр. 44. В своей защите идеализма С. Венгеров, подобно современным «борцам» за идеализм, в роде г. Бердяева, аргументирует, спутывая два разных понятия: практический идеализм как готовность жертвовать собою за «идею», и идеализм как проповедь бегства от «действительности» в мир «возвышающих обманов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.